

УДК – 82'282

Аннотация. Современная национальная литература в опосредованной или прямой форме содержит фольклорные проявления, указывающие на специфические особенности национального характера в творчестве бурятских русскоязычных писателей. Актуальным представляется выявление такого фольклорного опыта для определения закономерностей развития подобных литературно-фольклорных отношений и степени их взаимововлеченности. В изучении проблемы взаимосвязи литературы и фольклора, главной целью в исследовании является выявление фольклорных мотивов в прозаических произведениях бурятской литературы. Научная новизна работы заключается в определении универсальных фольклорных проявлений, указывающих на специфические особенности национального характера в творчестве бурятских русскоязычных писателей. В качестве методов исследования применены сравнительно-типологический анализ и герменевтический метод. По результатам работы выявлен комплекс фольклорных истоков и мотивов в произведениях современной бурятской литературной прозы, представляющих собой универсальные подходы для выражения национального характера, были определены роли, функциональные возможности и особенности фольклорных единиц. Литературоведческие поиски решения проблемы взаимосвязи литературы и фольклора, а также проявления национального характера вызывают пристальный интерес исследователей-фольклористов. Потому перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении проявления фольклорного опыта в современных произведениях бурятских писателей, что способствует более детальному раскрытию национального характера народов Сибири, в том числе, в аспекте сравнительно-сопоставительного анализа.

Ключевые слова: фольклорный мотив; национальный характер; национальная картина мира; анималистический образ; национально-культурная специфика; идиллическое пространство; архетип; сюжетобразующий мотив; национальное начало; концепт.

Abstract. Modern national literature in an indirect or direct form contains folklore manifestations that indicate the specific features of the national character in the creative works of Buryat Russian-speaking writers. The relevance of the work is to identify such folklore experience to determine the patterns of development of such literary and folklore relations and the degree of their mutual involvement. In studying the problem of the relationship between literature and folklore, the main goal of the research is to identify folklore motifs in prose works of Buryat literature. The scientific novelty of the research lies in the definition of universal folklore manifestations that indicate the specific features of the national character in the creative work of Buryat Russian-speaking writers. Comparative typological analysis and the hermeneutic method are used as research methods. According to the results of the research, a complex of folklore origins and motives in the works of

modern Buryat literary prose, representing universal approaches for expressing national character, were identified. Also, the roles, functionality and features of folklore units were determined. Literary studies for a solution to the problem of the relationship between literature and folklore, as well as demonstrations of national character, arouse the close interest of folklore researchers. Therefore, we see the prospects for further research of the problem in more detailed research of the phenomenon of folklore experience in modern creative works of Buryat writers, which contributes to a more detailed disclosure of the national character of the peoples of Siberia, including in the aspect of comparative analysis.

Keywords: folklore motive; national character; national picture of the world; animalistic image; national and cultural specifics; idyllic space; archetype; plot-forming motive; national origin; concept.

Литературно-фольклорные взаимодействия и взаимовлияние в современной бурятской прозе

Введение

Связь между литературой и фольклором всегда была очень тесной, каждая национальная литература в период становления испытывала огромное влияние фольклорных традиций. В этой связи актуальной представляется проблема взаимосвязи литературы и фольклора. Данная проблема прежде всего изучалась в рамках рассмотрения фольклорных истоков в литературе, но в настоящей работе фольклоризм литературы рассматривается как последствия фольклорных проникновений и их дальнейшее проявление в литературном контексте. Потому, актуальность исследования обусловлена тем, что выявление фольклорного материала в его опосредованной или прямой форме определяет особенности закономерностей развития литературно-фольклорных отношений и степень их взаимововлеченности.

Выявление фольклорных мотивов в прозаических произведениях бурятской литературы помогает определить как своеобразие фольклоризма конкретного автора, так и особенности природы развития фольклорно-литературных отношений. Для реализации указанной цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, выявить фольклорную составляющую в произведениях современной бурятской литературой прозы; во-вторых, определить роль,

функциональные возможности и особенности фольклорных единиц; в-третьих, определить пути реализации творческого освоения фольклорного материала конкретным автором.

Для выявления и определения степени интегрированности фольклорного опыта в современной бурятской прозе применялись следующие методы: сравнительно-типологический анализ и герменевтический метод.

Проблеме взаимосвязи литературы и фольклора посвящены многочисленные труды, начиная с начала двадцатого века намечаются разные исследовательские направления по данному вопросу. В настоящей работе в качестве теоретической базы исследования послужили труды отечественных авторов: В.П. Аникина, Г.Д. Гачева [5], А.А. Горелова, У.Б. Далгат [7], В.Я. Проппа [14]. Также весомый вклад в исследование проблемы фольклоризма литературы внесли научные работы бурятских ученых: Т.Б. Баларьевой [2], И.В. Булгутовой [3], Э.С. Доржиевой [9], С. Д.-Н. Малзуровой [12] и других. В качестве материала для исследования рассматривались произведения Молонова Б. и Дугарова Б.С.

Практическая значимость работы заключается в том, что данная работа обогащает представление о роли и значении фольклорного опыта в творчестве современных бурятских писателей, а также проявления национального характера сквозь призму фольклорных истоков. А также, представленные материалы могут применяться на примере описания основных черт национального характера бурятской этнокультурной общности на фоне ряда других народов.

Проблема взаимодействия фольклора и литературы

Народная культура и народное устное творчество, как фундамент национальных образов, мотивов и идей, представляет собой первооснову народного видения окружающего мира и процессов, происходящих в нём, является источником национальной самобытности. Взаимоотношение фольклора и литературы обуславливает связь между развитием этноса и формированием творческой личности. Как пишет В. П. Аникин: «Фольклор – особое искусство. Специфичны его природа, характер творческих процессов в нем, специфичны его

образно-стилевые свойства и особенности» [1, с. 4]. Фольклор в определенной степени наполняет литературу, где нередко выступает базисом для сюжетных линий, системы символов, образов и аллегорий. Письменная литература, как индивидуальный подход к художественному осмыслению реалий действительности и постижению внутреннего мира личности, включает в себе фольклорные мотивы, бессознательно выделяющиеся в канве авторского повествования.

В этой связи, особенно примечательны слова об индивидуальном подходе к литературе Б.Н. Путилова: «Литература есть продукт иной формы сознания, которое условно можно назвать индивидуальным сознанием. Это не значит, что она осуществляется через индивид, оторванный от среды; это, наоборот, означает, что индивид представляет эту среду и свой народ, но представляет его в своем индивидуальном, неповторяемом личном творчестве» [15].

Фольклорные мотивы в литературном произведении представляют универсальные подходы для выражения национального характера. Кроме описания внешних, характерных особенностей народа, этнокультурное своеобразие также выражается путем освещения психологии народа через размышления, эмоциональное восприятие мира героями произведения. В связи с этим, фольклорные маркеры можно представить как некие этноопределители, к которым обращается писатель с целью воссоздания соответствующей национальной атмосферы. Так, например, у многих бурятских писателей тема детства и малой родины занимает особое место в их творчестве и следуют они в канве автобиографии, потому авторы прибегают к родному национальному языку, к воспоминанию о деревне, о соседях, о традициях, обычаях, к рассказам и семейным историям. Кроме фольклора, к таким маркерам, освещающим национальный характер можно отнести и язык, и религию, нормы и ценности, народное искусство, символику и т.д.

Изучение проблемы литературно-фольклорных связей является актуальной задачей как для истории литературы, так и для фольклористики. Потому, отношения между фольклором и литературой можно рассматривать в плане

исторической последовательности и принципиального соотношения двух способов творчества (литературного и фольклорного). Исходя из вышесказанного можно утверждать, что, переходя в литературу, фольклорный образ теряет своё первоначальное содержание, он становится элементом нового художественного строя. Но для критического анализа его нового смысла необходимо преобразовывать фольклорное содержание, смысл фольклорного образа в сферах его собственного функционирования. Это представляется первым шагом в изучении фольклорной традиции в современной литературе [4, с. 7].

Роль фольклорных образов

Современное художественное творчество представляет собой авторское творческое начало, где фольклорные элементы проявляются в наименьшей степени, завуалированы и выделяются на уровне подсознания. Связь писателя с фольклором не всегда находится на поверхности, более того готовые формы фольклора часто и вовсе отсутствуют в произведениях (прямые отсылки к мифам и легендам, готовые архетипические образы, сюжетные линии и т.д.). По утверждению А. Горелова: «Фольклор далеко не всегда приходит к писателю прямо и в неизменном облики, сохраняющим все приметы его натурального бытования. Вытеснение фольклора из целых сфер культурного обихода, распространение фольклорных изданий и развитие литературы создает большую культуру опосредованного фольклора, фольклора переосмысленного и эстетически актуального на разных стадиях художественной эволюции. Такие встречи писателя с фольклором требуют специальной оценки и распознавания» [6, с. 11].

Национально-художественные идеи, берущие свое начало из фольклора, плотным слоем окутывают творчество некоторых современных бурятских писателей, в том числе и тех, кто пишет на русском языке. Многие произведения современных авторов, далекие от традиций фольклора, всё же содержат в себе значительный пласт национальных образов, архетипов, мотивов и других показателей фольклорности. Так, в произведении Булата Молонова «Танец Орла», уже в самом названии запечатлен архетипический образ для бурятского

фольклорного сознания, ведь образ орла восходит к легендам и преданиям о шаманизме, представляет культ, включающий обрядность и церемониальность.

Особое проявление фольклоризма при трансляции национального характера и национальной картины в целом прослеживается в национальных образах, которые нередко базируются на фольклорном начале. В связи с этим, образы животных являют собой своего рода индикаторы фольклорного начала и культурных мировоззренческих установок народа. В картине мира монгольских народов особыми символическими смыслами обладают разные животные: лошадь, медведь, волк, лебедь, орел и т.д. – «Если бы я умел летать, я воспарил бы в Небо и прилетел бы к тебе стремительным орлом. Если бы у меня был конь-ветер, я оседлал бы его и направил к тебе...Обернусь свирепым серым волком и продерусь сквозь весенние ветра, снега и дожди к своей нежной волчице» [13, с. 22] Так, особый интерес представляет собой образ орла в произведениях Булата Молонова. В разных народных культурах образ орла является достаточно древним и проявляется как олицетворение неба, солнца, свободы и победы.

Словарь символов Тресиддера Джека подробно раскрывают его значение в мировом фольклоре и литературе. Так, образ орла представляется «важнейшим символом, эмблемой всевидящих богов неба и солнца, правителей, а также воинов. Ассоциируется с величием, властью, господством, победой, отвагой, вдохновением, духовным подъемом. Он не только спутник всех великих богов, но часто их прямая персонификация. Среди кочевников, особенно в Северной Азии, орел был шаманским символом Отца, его перья использовались в обрядах инициации и ритуалах, в которых шаман «общался» с духами» [16, с. 125]

В картине мира народов Сибири орел издревле является маркером Солнца и это обстоятельство объединяет в один мировоззренческий комплекс мифологемы «орел-Солнце», «кузнец» и «шаман». [8, с. 1]. Орёл считался священной птицей во всей Бурятии и назывался Ехэ шубуун (Великая птица), или Хан шубуун (Царь птица). По данным М.Н. Хангалова и других, личность орла как потомка великого хозяина острова Ольхон священна и неприкосновенна [17]. Мифологическое начало образа орла представляется в связи с происхождением шаманства у

народов Сибири. По шаманской мифологии, шаманство возникло с сотворением мира, и первый шаман был сыном небожителя, который опустился на землю в образе орла и сотворил шамана. В сборнике рассказов Б. Молонова орел представляется как небожитель, символ очищения, грозный хозяин вечного синего неба, освещающий путь к счастью: «Яркое весеннее Солнце в Вечном Синем Небе, и высоко-высоко парит в нем Степной Орел. Видишь? Разбежимся с дельтапланом быстро-быстро, так быстро, чтобы ветер бил в глаза, прыгнем с высокой скалы навстречу Орлу в Вечное Синее Небо! Хочешь?» [13, с. 75].

Во многих фольклорно-мифологических сюжетах орел представляется духовным отцом, и в образе его часто прослеживаются черты смотрителя, ангела-хранителя, и даже в определенной степени демиурга, выполняющего медиативные функции между небесными божествами и земными людьми: «Нравится Жаргалу залезть на Челсану, на самую вершину, и стоять там, раскинув руки, подставив свое скуластое лицо вольному ветру, рубашка бьется на ветру, а Жаргал стоит, закрыв глаза, представляет себя орлом, парящим в Вечном Синем Небе» [13, с. 169].

Название произведения в первую очередь притягивает образ борца победителя, исполняющего танец орла. И образ главного героя, соединяясь с образом победителя, сильного как орел, начинает выстраиваться в этом позитивном ключе. Образ священной птицы представляет собой символ поднятия воинственного духа, победы и мужского начала. Потому в национальном бурятском празднике «Сурхарбан» традиционным состязанием являлась борьба, сопровождающаяся «танцем орла». Данный танец представляет собой часть большого представления, когда борцы выходят на поле, они, воспроизводя полет мифической птицы Гаруды – взмахивают руками, приседают, похлопывают себя по бедрам; при этом победитель данной схватки также исполняет танец великой птицы Гаруды [18]. Необходимо отметить, что данный танец представляет собой, не только ритуальное действие, но и достаточно сложную с точки зрения хореографии пластику, ведь каждое движение полно глубокого символического содержания: борец, держа руки воздетыми к небу, плавно взмахивает руками,

подражая гордо парящему орлу, поворачивая корпусом, танцующий изображает кружение в небе орла. Как фольклорное творчество, борьба и сопровождающий ее танец является составной частью традиционной культуры, этнической идентификации и исторической памяти народа. «Пластика, величие силы, красота движений, всё, что есть у бурят красивого – всё в этом танце», – так Булат Молонов описывает свои первые детские впечатления от танца орла [13, с. 67].

Таким образом, борьба и танец орла как фольклорное творчество непосредственно коррелируется с национальным характером, ведь народная игра отражает в себе многовековой опыт, народное наследие, образ жизни, понятие о чести, смелости и мужестве. Народный культурный код, вне зависимости от смещения эпох, сохраняет соответствующие образы и концепты в сознании своих носителей: «Нравятся мне эти движения. Наверное, потому что в крови сидит это понимание красоты национального танца. В детстве боролись на речке в Бухэ барилдаан, уронишь кого-нибудь, и – обязательно – танец орла!» [13, с. 67].

Характер главного героя воплощает в себе дух орла сразу в нескольких состояниях – опосредованном и личностном. Безусловно образ гордой сильной и хищной птицы оставил след в характере главного героя – свободолюбивый, местами дерзкий и созидательной натуры человек, в поисках счастья и свободы следует по жизни, словно орел бороздит небо в поисках пищи. Мужество, красота движений, грация и величие: автор неоднократно восхищался с самого детства данными качествами орла и часто проецировал данный образ на себя, на свою личность. Помимо воплощения в своем характере анималистического образа на личностном уровне, большее значение, возможно более важное, имеет опосредованный уровень, более сакральный и пронизывающий. Орел как ангел-хранитель, защитник и путеводная звезда постоянно смотрит с высоты Вечного Синего Неба на главного героя и участников событий. Складывается ощущение, что автор ассоциирует себя с орлом, который дублирует его в медиации между небом и землей.

Роль фольклорных мотивов

Национальный характер, как некая совокупность эмоционально-чувственных проявлений, находит свое отражение в том числе и в ритуалах, обрядах, танцах. С данной точки зрения, танец орла проявляет взаимосвязь представителя национального объединения с личностной национально-культурной идентификацией. Такая личностная идентификация в бурятской традиции представлена особой связью человека с родиной, потому в творчестве бурятских писателей достаточно устойчивым стал мотив *тоонто* (родина), представляющий собой связь человека с родной землей и предками. В своем произведении Булат Молонов отчетливо проводит прямую связь национального танца орла с тоской по своей малой родине, о чем возвещает с громким, гордым и открытым заявлением о своем национальном происхождении: «Стосковался я по Тоонто Ньютаг, дорогие мои, стосковался ужасно! Что делать? Как избавиться от этой тоски? И тут я абсолютно интуитивно, абсолютно неосознанно, вдруг начинаю танцевать танец орла. Пешеходы, проходя мимо, изумленно смотрят на меня. Из окон автомашин глядят на меня удивлёнными глазами. Мне все равно. Я танцую танец орла! Я, стосковавшийся по Тоонто Ньютаг, бурят. Я весь в этом танце! Я выплеснул все, что не мог сказать словами, да и некому было сказать, да и нет таких слов. В этом танце я весь без остатка. Смотрите на меня, вот он я – танцую Танец Орла!» [13, с. 68].

Фольклорность мотива родины обосновывается традиционным противопоставлением своей родной земли и чужой, что часто представлено в мифологическом народном восприятии. В контексте мотива родины особую роль играет пространственное значение, а именно внешние детерминанты национального восприятия: это климатические условия, соответствующие растения, запахи, звуки и другое. В случае восприятия родины у большого количества бурятских писателей особое место занимает степь, вся степь как идиллическое пространство. Такое пространство включает множество элементов, которые в свою очередь также являются национальными маркерами индивидуального восприятия отдельной местности: реки, горы, долины, озера, цветы. Содержательную основу малой родины в рассказах Б. Молонова

составляет степь, усеянная цветками саранки и жарками, ручьи и гора Челсана, с вершины которой видно его родное село Кижингу – «оставлю коня у буусы, что в местности Шанаа, в десяти километрах от центра, расседлаю его и отпущу пастись. Сам же лягу на берегу Кижинги и буду валяться на спине...Кижинга будет шептать мне о том, что произошло в степи в мое отсутствие» [13, с. 69].

Степь как родительский дом, идиллическое пространство в котором человек проходит начальный этап становления, степь по-матерински благословляет, помнит и ждет своих сыновей и в этом прослеживается растянутый на протяжении многих столетий мотив возвращения в родную степь. Монголо-бурятская картина мира сакрализует степь и придает ей идиллическое значение дома, нередко описываемого в абстрактных формах, потому такие художественно-изобразительные средства как, например, сравнение и гиперболизация особенно актуальны как для описания идиллического пространства, так и для фольклорной традиции в целом: «Упал, пронзенный вражеской стрелой. Упал, будучи уверенным в том, что уже всё – победа наша! Мой конь умчался в черную степь. Унес с собой правый гутул (сапог). Мой меч сломался о каленное копьё врага. Сердце перестало биться, глаза сомкнулись, выхватив из пыльной степи красный цветок улаалзай (саранка)» [13, с. 53]. Фольклорные элементы всей бурятской этнической картины мира сопряжены в таком маленьком фрагменте: скакун, сапог, меч, стрелы, копьё и степь с прекрасными саранками. Данный фрагмент прекрасный пример для наглядности сращения фольклорного мотива (кочевника-война) и образов (стрела и меч) с внешними детерминантами национально-культурной специфики героя, его национального характера (пыльная степь с редкими красными цветками, традиционный бурятский сапог – *гутул*).

В произведении Баира Дугарова «Сутра 82» в самом начале есть прекрасные строки: «Национальное начало – оно из глубины степей. / Чтоб кисть других не повторяла, / омой ее водой Байкала / и обкури дымком аргала...» [10, с. 11], они определяют некий национальный уклад в творчестве писателя, создается идиллическое пространство родины. Этническое пространство определяет

национальный характер и истоки своего становления, пространство может определяться как конкретными границами, так и абстрактными формами, например запахом или звуком.

Таким образом, мотив родины как фольклорно-мифологическая единица представляет собой очень важный элемент в творчестве бурятских писателей, поскольку содержат глубокое внутреннее самовосприятие, и в то же время универсальное открытое полотно для внимательного рассмотрения национального мировоззрения и своеобразия фольклоризма. Рассматривая мотив Тоонто, как родного и сакрального пространства, необходимо отметить роль данного мотива родины, как фактора построения сюжета, в котором обретает свои очертания идея возвращения к истокам, к родовому месту.

Тяготение бурятских авторов к традициям кочевнического уклада жизни определяют в их творчестве стремление расширить границы привычного пространства, что наблюдается в мотивах пути и дороги, смене архетипов дома и пути. Так и для Булата Молонова в его рассказах путь его самого и других героев всегда сопряжен с ощущением слитности с родным краем, где бы он не находился, он всегда чувствует прямую связь с родиной, что нередко выражается в мотиве возвращения: «Сижу я и думаю, что зашибись, что есть на этом свете Родина – такое место, где ты чувствуешь себя счастливым, куда ты, наконец-то, приехал. Вспоминаешь ее со щемящей душу тоской, когда ты далеко от нее. Вспоминаешь как ты скакал по степи на коне, ветер бьет глаз, а конь несет тебя по степи...» [13, с. 69]

Такой сюжетобразующий компонент как мотив возвращения берет свои истоки из поэтики фольклора, где находятся глубинные смыслы традиционных представлений бурятской национальной картины мира. Как истинный кочевник, который не мыслит себя вне гармонии с природой, так и бурятский писатель не забывает свое национальное начало, свои истоки и свою малую родину (*тоонто нутаг*).

В вопросе рассмотрения мотива родины необходимо обратить внимание на концепт «Вечного Синего Неба», поскольку в структуре сборника рассказов

Булата Молонова данный концепт занимает особое место и частота его упоминания наиболее значительна среди упоминания других образов. Небо представляется также родным домом, автор часто взывает к небу, делится мыслями, просит помощи и защиты для себя и близких. Вечно Синее Небо как созидательное начало и высшая сила пронизывает мышление и мировидение автора как наследника кочевой цивилизации и ассоциирующего себя с ней. Примечательно то, что концепт «Вечно Синего Неба» не привязывается к определенной мифологической составляющей как это происходит, например, в произведениях Баира Дугарова, где Вечное Синее Небо представляет мифопоэтический мотив о небесном сакральном происхождении монгольского этноса [11, с. 12]. Безусловно, в прозе Булата Молонова, как и в произведениях других бурятских авторов, Вечное Синее небо имеет образ божественного начала, национальная картина мира у бурят еще полна архетипами, образами и концептами тенгрианства, шаманизма и культа предков. Крайне высокая частотность упоминания данного концепта в творчестве современных бурятских писателей прямо указывает на национальный характер и динамику становления этнического самосознания.

Заключение

Таким образом, в процессе рассмотрения фольклорной составляющей в современной бурятской прозе открывается целый пласт фольклорных истоков и мотивов, представляющих собой универсальные подходы для выражения национального характера. Фольклорная концепция плавно и органично встроена в систему литературного произведения, в данной работе, условно, фольклорные проявления можно разделить на три группы:

- 1) предметно-образный ряд (анималистические образы в художественной структуре, окружающая действительность и образы-символы бурятской национальной картины мира – образ степи, неба, всадника и т.д.)
- 2) сюжетообразующие мотивы (мотивы возвращения, родины)

3) Национально-культурный пласт (национальная борьба и танец, ритуалы и обряды)

Система образа животных плотной нитью вплетена в содержание современных бурятских произведений, часто можно встретить образ коня, волка и орла. В рассматриваемом нами произведении Булата Молонова анималистический образ определяет свою центробежную силу уже в самом названии – «Танец Орла».

Словно хищная птица, автор бережно и с любовью осматривает свои владения – свою степь. Такая географическая детерминанта как степь, играет и по сей день огромное значение для потомков кочевой цивилизации – растения, запахи, животные, воспоминания: всё это железной печатью остается в национальном сознании человека. Автор, как и орел, проводит ритуальный танец, в медиации между Вечным Синим Небом и Матерью-Землей, налитый силой родных степей и под защитой Вечного Синего Неба бороздит он просторы жизни, но всегда помнит о своей родине (Тоонто Ньютаг) и знает, что обязательно вернется на родную землю, как это делали его предки и как будут делать его потомки.

Затронутые нами фольклорные маркеры можно представить как некие этноопределители, к которым обращается писатель с целью воссоздания соответствующей национальной атмосферы. Глубинные смыслы традиционных представлений бурятской национальной картины мира берут свои истоки из поэтики фольклора, потому национально-ориентированная литература придерживается фольклорно-мифологической концепции. Мировоззрение и эстетическое восприятие бурятских писателей по-прежнему во многом исходит от традиций и национального идиллического восприятия. В связи с этим, фольклорные мотивы являются важной составляющей в процессе рассмотрения национального характера, отраженного в произведениях современных бурятских писателей.

Результаты исследования

По результатам исследования был выявлен комплекс фольклорных маркеров, среди которых: анималистические образы, образы-символы национальной бурятской картины мира, мотивы и культурное народное творчество. Определена роль писателя, как представителя и транслятора национального фольклорного опыта. На современном этапе бурятская литература по-прежнему изобилует фольклорной традицией, а современные авторы в прямой или опосредованной форме обращаются к опыту национального сознания. Для писателей, которые испытывают духовное родство с национальной культурой и средой, чей культурный код в условиях идеологического глобализма по-прежнему придерживается ориентиров своей малой родины, естественным путем освоения и трансляции народного сознания является процесс синтеза фольклора и литературы. В прозаических произведениях бурятских авторов распознаваемыми становятся фольклорные образы (орла, коня, степи, неба, всадника и т.д.) и мотивы (родины, возвращения на родину). Мотивы и образы в рассматриваемых нами произведениях становятся основным средством, с помощью которого происходит интеграция фольклорного опыта в литературном произведении. Фольклор, как универсальная форма выражения национального характера, проявляет себя также в выражении национально-культурных ритуалах, обрядах, играх и танцах. С учетом специфики национального характера, транслируемого авторами следует отметить и внешние детерминанты национальной картины мира (местный ландшафт, соответствующие растения, национальная одежда), к которым авторы обращаются посредством национальных концептов и образов (концепт Вечного Синего Неба, идиллический образ степи, образ всадника). Рассматривая вопрос о путях освоения фольклора современными бурятскими писателями, необходимо принимать во внимание, что данное обстоятельство также обусловлено личными предпочтениями, устремлениями и эстетическими потребностями самих авторов, но безусловно, что на современном этапе в большей степени бурятская проза сохраняет тяготение к народной поэзии.

Литература

1. Аникин В.П. Теория фольклора. Курс лекций. – М.: МГУ, 1996. – 408 с.

2. Баларьева Т.Б. Фольклоризм современной бурятской прозы: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.01.09. – Иркутск, 2004. – 24 с.
3. Булгутова И.В. Мифопоэтика в контексте становления и развития бурятской литературы второй половины XX – начала XXI веков: автореф. дис. доктора филол. наук: 10.01.02. – Улан-Удэ, 2019. – 42 с.
4. Васуджуйбари А.Ф. Взаимодействие и взаимовлияние фольклора в литературе: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.01.08. – Душанбе, 2017. – 19 с.
5. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. – Москва: Институт ДИ-ДИК, 1999. – 368 с.
6. Горелов А.А. Русская литература и фольклор. Вторая половина XIX века. – Ленинград: Наука, 1982. – 452 с.
7. Далгат У.Б. Литература и фольклор. – Москва: Наука, 1981. – 304 с.
8. Дашиева Н.Б. Образ орла в мифах бурят о происхождении кузнецов и шаманов // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. – №2. – 2014. – С. 29-37.
9. Доржиева Э.С. Этнопоэтические истоки сюжетостроения бурятского романа 60-80 гг. XX века: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.01.02. – Улан-Удэ, 2019. – 25 с.
10. Дугаров Б.С. Сутра мгновений: 1982 год. – Улан-Удэ: Респ. тип., 2009. – 795 с.
11. Именохоева И.Н. Концепты в поэзии Баира Дугарова: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.01.02. – Улан-Удэ, 2014. – 23 с.
12. Малзурова С. Д.-Н. Мифо-фольклорные истоки прозы народов Сибири и Севера 60-80 гг. XX века: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.01.02. – Улан-Удэ, 2015. – 26 с.
13. Молонов Б. Танец орла. – Улан-Удэ: БУРЯАД-МОНГОЛ НОМ, 2014. – 190 с.
14. Пропп В.Я. Поэтика фольклора: собрание трудов. – Москва: Лабиринт, 1998. – 352 с.

15. Путилов Б.Н. Проблемы типологии этнографических связей фольклора // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами: сборник статей. – Ленинград: Наука, 1977. – С. 3–14.
16. Тресиддер Д. Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 448 с.
17. Михайлов Т.М. Этническая характеристика шаманского пантеона бурят (XIX – начало XX века) [Электронный ресурс]. – URL: <http://soyol.ru/art/narody/5097/> (дата обращения: 06.07.2021)
18. Истоки, традиции и современный культурный облик монгольского Наадам [Электронный ресурс]. – URL: <https://asiarussia.ru/articles/3504/> (дата обращения: 07.07.2021)